

УДК 811.161.1

Польский и российский политический дискурс. Этнолингвистическая интерпретация

Коженевска-Берчинска И.
Варшавская школа экономики

Статья посвящена исследованию языка политики. В ней рассматриваются российский и польский политические дискурсы, выявляется общее и различное в политическом языке двух стран. В статье показано, что на рубеже веков возникла убежденность в том, что тоталитарный новояз – реликт прошлого, но оздоровление языка оказалось временным; и на авансцену возвращается язык, выражающий ненависть, агрессивность, которые нацелены на всех, кто не разделяет мнений властей. В России оплевывается советскость и мифологизируются капиталистически-рыночные отношения, а в Польше – так называемая коммунистичность.

В исследовании доказывается, что современный политический дискурс не всегда можно отождествлять с коммуникативным событием, потому что ему присуща чрезмерная агрессивность, что приводит к коммуникативным шумам и коммуникативным конфликтам и, в конце концов, затрудняет конструктивный диалог.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная лингвистика, этнолингвистика, политический дискурс.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 96–99)

Polish and Russian Political Discourse. Ethnolinguistic Interpretation

Kozhenevska-Berchynska J.
Warsaw School of Economics

The article dwells upon the study of the language of politics, Russian and Polish political discourses are considered in it, the general and the different in the political languages of the two countries are found out. It is shown that at the borderline of centuries, assurance in the fact that totalitarian new language is outdated, emerged, but the recovery of the language turned out to be temporary; the language, which expresses hatred, aggression towards all those who do not share the ideas of the authorities, returns. Soviet way is disgraced in Russia, capitalist market relations are mythologized, while in Poland – the so-called communist way.

It is proven in the article that contemporary political discourse can not always be equaled with the communicative event, since it is characterized by excessive aggressiveness, which causes communicative noises and communicative conflicts and, finally, makes constructive dialogue difficult.

Key words: discourse, discourse linguistics, ethnolinguistics, political discourse.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 96–99)

В наши дни язык политики стал предметом заинтересованности многочисленных гуманитарных дисциплин. В данном тексте внимание сосредоточено на дискурсе, понимаемом за ван Дейком как *коммуникативное событие* [1, с. 40]. Оно включает в себе еще и экстралингвистические факторы: *знания о мире, мнения, установки, цели адресата* [1, с. 41]. Таким образом, дискурс – это *речевое поведение, форма которого зависит от того, кто говорит, к кому обращается, в какой ситуации и с какой целью* [2].

Цель исследования – акцентировать метафорическое осмысление сути дискурса, который есть *речь, погруженная в жизнь* [3, с. 121]. А «политическая жизнь» есть неотъемлемый элемент и нашего существования, и нашей национальной картины мира.

Материал и методы. Методы, применяемые нами в данном исследовании, – наблюдение, описание, метод сплошной выборки.

Материалом для исследования послужили русские и польские центральные газеты за 2000–2012 годы.

Результаты и их обсуждение. В первые перестроечные годы в СССР и период бархатной революции в Польше (1989–1990) можно отметить симптомы оздоровления политического дискурса, причем в Польше – это второй этап оздоровления; первый произошел в ранние восьмидесятые годы, во время «девятой» *Солидарности*. Исчезает бессмертная, как бы казалась, штампованность; текст становится достоянием личности. Исчезает напористая военизация, а дискурс ставит перед собой цель индивидуального осмысления бурных событий. И его форма и содержание однозначно располагают к диалогу.

На этой основе возникает в те годы убежденность в том, что тоталитарный новояз – и это в обоих этносах – реликт прошлого. Однако оздоровление оказалось временным и на авансцену возвращается язык, выражающий ненависть, презрение, агрессивность, которые нацелены на всех, кто не разделяет мнений актуально властвующих. В перестроечном СССР оплевывается тотально советскость и мифологизируются капиталистически-рыночные отношения, а в Польше – так называемая коммунистичность. С этой целью используется набор давно знакомых экспрессивных средств выражения, а вместе с тем, рождаются все новые идеологемы.

Слово сызнава становится предметом практически неограниченной манипуляции, а экспрессивность дискурса повышается за счет наличия инвективных образований и новообразований. С лингвистической точки зрения они имеют неоднородный характер; это широко понимаемая метафоризация, проявления антонимии, эвфемизмы, перифразы, это открытые еще Клеппером «иронические кавычки», посредством которых обличаются «не так мыслящие». Многообразные окказионализмы с этнолингвистической точки зрения являются богатым источником информации не только о «политизированном менталитете», но и о социальных распрах, о морали и нравственности создателей политизированных речевых актов.

Вышеназванные, а также другие свойства, ярко выражены в «публицистическом имени», причем агрессивный характер анализированных дальше номинаций противоречит довольно распространенной убежденности в том, что названное свойство типично для тоталитарного политического дискурса [4].

В наше, казалось бы, демократическое время агрессивность не иссякает, а интригующие инвективные номинации адресованы, в первую очередь, тем, кто не одобряет новый

рыночно-капиталистический миропорядок. Как в Польше, так и в России – это речетворчество лиц, называющих себя демократами. Они заняты не только тотальной критикой прошлого (в обоих социополитических пространствах), но и конструкцией нового «черно-белого мира».

Сюжет полной дискредитации недавнего прошлого есть смысловой стержень дискурсов где-то с половины девяностых. Они выискивают «ростки старого» в организуемом новом мироустройстве. (Кстати, такое поведение любых носителей «единственно правильного учения» ксендз И. Тишнер назвал адекватно *диктатурой благонравных*.)

В данном тексте в центре нашего внимания находится сюжет абсолютной дискредитации уходящих вместе со своими зрителями актеров политической сцены. В Польше, начиная с половины 90-х гг. чаще всего и лучше всех слышен голос правых экстремистов. Ярко выражены установки «антикоммунистических большевиков», т.е. – *разношерстных большевиков, которые идеологическое разногласие сводят к борьбе с определенной группой, стремясь устранить ее, используя приемы самой настоящей политической ожесточенности*. Ментальный большевизм проявляет себя в нетолерантности, нежелании слушать, полемизировать, наконец – в глухой ненависти к любым инакомыслящим. Здесь к месту процитировать окказиональную метафору *польский Савонарола* – символ и собирательное имя всех, кто готов лечить общество, насильственно осчастливливать его, насаждая новые ценности и новое мышление (при этом никто не умеет ответить на вопрос, что же делать со старым?) Предлагаю примеры: *nosiciele pustostanów umysłowych* (*носители умственных вакуумов*), *bandycka żydokomuna; kryptokomuchy; slugusy lewicowego środowiska; czerwone karaluchy komuny* (*красные тараканы*); *spadkobiercy ducha czarnej sotni spod znaku PZPR* (*наследники духа черной сотни из-под флагов Польской объединенной рабочей партии*); *ideologiczni dewianci; byli staliniści* и т.п. Их мерзкое лицо отображается также в зеркале противопоставления, например: *bezbożnicy vs katolicy; patrioci vs agenci; Polacy-katolicy vs neoeuropejczycy*.

Такая беспощадная атака вызывает, разумеется, ответные реакции также посредством агрессивных выражений обличаются антикоммунисты: *wojujący antykomuniści; szalbierze i koniunkturaliści; prawicowo-klerikalne oszołomy; „mściciele” wszelkiego typu; zasłużeni antykomuniści; łobuzy z prawicy* (*правые прохво-*

сты); *zawodowi patrioci antykomuniści; cudownie rozmnożeni depozytariusze prawdy* (носители единственно правильного учения); *antykomuniści-bolszewicy*.

Перейдем к более широким примерам, подтверждающим агрессивный характер дискурса, в котором нет обмена аргументами, нет желания понять друг друга, зато бушует страсть уничтожить морально, стереть с лица земли, продемонстрировать ненависть и презрение. Этот дискурс закрепляет образ антиподов; черный мир, заселенный коммуняками и их ущербными во всех отношениях сторонниками, и безупречный мир, в котором обитают правые носители белых одежд. Тон задают правые экстремисты, суть экзистенции которых есть *борьба с красным врагом не на жизнь, а на смерть; обнаружив врага, они страстно стремятся к его уничтожению*.

Свобода как высшая ценность начинается со свободы слова. В польском языке политики после кратковременного катарсиса в девяностые годы можно отметить как превалирующее, произвольное, безответственное использование слова как орудия беспощадной борьбы с идеологическим противником. Таким образом, излюбленная поляками свобода оказалась в области слова разрушительной силой: *Мы живем в вечном споре, в ауре ненависти всех ко всем (...), выполняя Сизифов труд вкатывания в гору камня нашей безответственности и глупой свободы*. О катастрофически ширящемся человеконенавистничестве говорит исполненный иронии пассаж: *Выселению из Польши подвергаются, по мнению близнецов Качинских (начало 2010 года), аферисты, секты, коммуняки, педерасты, феминистки, азиаты, арабы, украинки, шефы крупных универсамов, криминалисты и жительницы домов терпимости*. Такой же нарратив подсказывает, как нужно вести себя, живя в Польше: *Назови себя неприкосновенным авторитетом – ты боролся за благополучие народа с преступной системой, моральное превосходство за тобой. Любой рассуждающий иначе и замечающий твои ошибки есть ненавистный посткоммунист*.

Суммируя рассуждения на тему современного польского политического дискурса, надо отметить следующее. Подобно тоталитарной действительности, которая создавалась посредством не выявления, но сокрытия фактов, а также беззастенчивой лжи, и сегодня, хотя мы обитаем в ауре свободы, методология общения власти с народом остается прежней.

Происходит семантическая деструкция слов, которые лишаются своей когнитивной

функции. Ее заменяет функция «эмотивного лома», которым можно не только ударить, но и вообще обезвредить противника навсегда.

Современный политический дискурс пронизан агрессией, врагоманией и цинизмом. С целью утихомирить сонмы очередной раз обманутых, властвующими ведутся интенсивные поиски виновников. Продолжается парад отречения от так называемого коммунистического прошлого. В нем принимают участие и конъюнктураллисты, и архитекторы нового манихейского миропорядка, в котором имеется раса благородных господ (на языке их противников – это *solidaruchy*) и субраса недостойных, порочных во всех отношениях (на языке их противников – *komuchy*).

С целью «сохранить лицо» и отдельный человек, и тем более – этносы не должны отказываться от своего прошлого, ибо беспмятство разрушает. Кстати, нация имеет не только право, но и обязанность учитывать опыт прошлого; строить новый дом на руинах невозможно. Однако у нас политики пытаются *разрушить все до основания*. На такой почве ширится новая националистически-католическая индоктринация, питаемая речевыми средствами насилия, ненависти, нетолерантности. Эту ситуацию адекватно оценивает Михник: *W prawicowych ostepach (в дебрах) czają się diabeł waśni (раздора) z szatanem zemsty (мести), i kuszą, i nęcą i każą jątrzyć, wskazując nienawiść jako najwyższe dobro*.

Таким образом, кропотливо восстанавливаемая сетка значений и сеть социальной коммуникации, которая возрождалась в Польше еще в восьмидесятые годы, а затем укреплялась в 1989 году, подверглась процессу уничтожения. Превалирует (кстати, в обоих дискурсах) произвольное, безответственное использование слова.

В российском политическом дискурсе уже с 1990 года обличаются коммунистические ортодоксы, т.е.: *не могущие поступаться принципами* (подобно Нине Андреевой) [5], *«единомышленники-ленинцы, заклые враги перестройки, проклятые коммуняки, бояры-коммунисты, номенклатурные коммунисты (типа Зюганова), а кроме того – перекрасившаяся коммунистическая номенклатура, воинствующие антикоммунисты, классовые расисты, недобитые коммунисты, комиссары в шлемах, возвращенцы в коммунизм*. Рядовые россияне, пораженные коммунистической проказой, это, например, *вечные иждивенцы, послушные рабы обстоятельств, духовные рабы, идеологические жрецы*. Как собирательное имя для всех, кто не отыскал

путь в *светлое капиталистическое будущее*, употребляется просто неоднозначная номинация *бывший советский человек*.

На основе примеров можно судить о полярном восприятии нового миропорядка. С одной стороны, мы имеем дело с вербальной привязанностью к советскому прошлому, с другой – с тотальным, часто неаргументированным оплевыванием недавнего прошлого.

Содержание российского политического дискурса изобилует советизмами в новой функции, а именно – обличения нового, демократического миропорядка, например: *вселенские временщики, питомцы пролетарской колыбели* (те же временщики), *цексовские выкоремыши, доблестные рыцари НКВД* (о современной службе госбезопасности). Подобные словосочетания и фразеологизмы имплицитно выражают ментальную преемственность, особенно – стана исполнительной власти. Кстати, сказанное отмечено Юрием Астафьевым в одном из медиальных высказываний: *Чисто советское: усилить, повысить, ужесточить, дать чрезвычайные полномочия (...). Быстрым шагом к светлому прошлому. Наши цели ясны, задачи определены. Вперед, т.е. – назад.*

На определенное мировосприятие эксплицитно указывают семантически полярные оценки, выраженные такими, например, антропонимами: *патриоты vs демократы, большевики vs неолевыевики* (демократы), *народные патриоты vs западники* (руссофилы и руссофобы).

Приведенный беглый анализ не дает права делать фундаментальные выводы. Тем не менее, изученный материал показывает, что язык, на котором общаются новые вершители судеб, в обоих социокультурных пространствах во многом схож. Встает вопрос: по каким причинам конструкторы дискурса используют средства новояза прошлых времен, этого набора средств «общения» власти с народом и властвующим с оппозицией.

Заключение. Можно предполагать, что агрессивные тона, доминирующие в этих какофонических опусах, возникают как результат живучести извечной, задающей тон и в польской, и в российской жизни, парадигмы *наши–не наши; свои–чужие*, причем «свои» – это всегда мы, т.е. – *носители единственно правильного учения*, которым нечего доказывать, ибо все доказано. В свою очередь, чу-

жие – это опасность, чужие – это враги, которые, как таковые, постоянно организуют заговоры, а значит, предстоит императив борьбы с ними, начиная с «благородных» разоблачений.

Подобные ментальные процессы – основа вербальной агрессии по отношению к врагам, а также всевозможных манипуляционных действий, управляемых воскресшим лозунгом, его новой ипостасью: *Всевозможное (демократическое) учение. Верно, потому что правильно.*

Общие свойства обоих дискурсов – это также:

- бескомпромиссные негативные оценки, которым подчинены значения;
- ритуальные инвективно-уничжительные номинации, обличающие действительных и мнимых врагов;
- магически-ритуальные заклинания как набор испробованных средств идеологизации новых, удобных для власти имущих, значений. На этой почве происходит процесс разрушения семантики слов;
- упорное навешивание ярлыков на всех, кто имеет смелость не одобрять «демократичность».

Итак, как польский, так и российский политический дискурс наших дней есть несомненно *речь, погруженная в жизнь*. Однако, вряд ли его можно отождествлять с коммуникативным событием. Его агрессивность приводит и к коммуникативным шумам, и к коммуникативным конфликтам. Такое положение вещей исключает диалог как имманентную форму любой коммуникабельности.

Литература

1. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Изд. «Флинта», 2006. – 254 с.
2. Grabias, S. Język w zachowaniach społecznych / S. Grabias. – Lublin, 1994. – 311 S.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – 637 с.
4. Купина, Н.А. Тоталитарный язык / Н.А. Купина. – Екатеринбург–Пермь, 1995. – 141 с.
5. Андреева, Н. Не могу поступаться принципами / Н. Андреева // Советская Россия. – 1988. – 13 марта.
6. Гуревич, П. Философия культуры / П. Гуревич. – М., 1995. – 384 с.

Поступила в редакцию 05.12.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.